

Глава 24. Битва в Столице демонов

В тесном нутре повозки собралось немало людей. Каждый был погружен в свои думы, и тишина стояла гнетущая, почти осязаемая. Несмотря на то что здесь собрались лучшие из молодых заклинателей, с подобным испытанием им прежде сталкиваться не приходилось. На сердце у Мо Ханьчи лежал тяжелый камень, не давая вздохнуть свободно; Бай У в его руках тихо спал, еще не осознавая в полной мере, какая трагедия его постигла. Су Цзии с тревогой поглядывала на Ханьчи, порываясь забрать ребенка, но тот прижимал к себе малыша так крепко, что со стороны их можно было принять за отца и сына. Цзии оставалось лишь сокрушенно вздыхать.

Это потрясение выбило Мо Ханьчи из колеи. Даже верный меч Бахуан был забыт и теперь покоился в руках Ло Си, в то время как бедный Безымянный сиротливо висел за спиной самого Ло. Последний, подперев рукой заострившийся подбородок, безучастно созерцал мелькающие за окном пейзажи.

Лишь Сяо Саньцзы, не ведая о тяготах мира, уплетал сладости за обе щеки. А Лэн Ушуан, казавшийся старше и опытнее остальных, нет-нет да и бросал на Ханьчи и Ло Си странные, пронизательные взгляды, смысла которых никто не мог уловить.

Наконец тишину нарушил сонный голосок малыша:

— Папа, я кушать хочу...

Мо Ханьчи побледнел. Бай У приоткрыл покрасневшие глаза и жалобно уставился на него. Заклинатель растерянно обернулся к Ло Си:

— Чем кормят таких маленьких?

— Откуда мне знать? — бросил Ло Си, мельком взглянув на ребенка, и снова отвернулся к окну.

Бай У, окончательно проснувшись и сообразив, что перед ним вовсе не отец, разразился оглушительным плачем. Мо Ханьчи, которому едва исполнилось четырнадцать, впал в панику. Он совершенно не представлял, как унимать детей, и принялся нелепо суетиться.

— Ло Си! — в отчаянии выкрикнул он.

Су Цзии не выдержала и прыснула. Вид беспомощного Ханьчи был до того комичным, что ей расхотелось вмешиваться.

— Па-а-апа-а-а! — заходился в крике Бай У, но вдруг замолк. Он повернул маленькую головку, и взгляд замер на Ло Си. Малыш сверкнул глазками и потянулся к нему всем тельцем.

Мо Ханьчи опешил. Ребенок перестал реветь и всюду звал Ло Си «папой», отчего у того по спине пробежал холодок.

Ханьчи поспешно притянул малыша обратно и, указывая на спутника, принялся настойчиво повторять:

— Он не твой папа. Твой отец... — он запнулся, не в силах договорить правду.

Но Бай У лишь тянул свои пухлые ручонки к Ло Си. Внезапно Ханьчи осенило: Ло Си был в белых одеждах, да и чертами лица неувлимо напоминал покойного. Неудивительно, что сиротка обозначился.

— Ло Си, ну возьми его на руки, — Ханьчи буквально подпихнул ребенка к его лицу.

Ло Си одарил друга гневным взглядом и попытался отстраниться.

— Ты что, умрешь, если поддержишь его? — взорвался Мо Ханьчи. — У него отец погиб, неужели у тебя сердца нет?!

— Несносный мальчишка, — буркнул Ло Си, но сопротивляться перестал.

Ханьчи всучил ему Бай У, и — о чудо! — плач мгновенно стих.

— Красота — страшная сила, — довольно ухмыльнулся Ханьчи.

Ло Си сжал кулаки, но, обремененный младенцем и мечом, не мог даже замахнуться.

— Мо Ханьчи, ты... ты просто невозможен, — процедил он сквозь зубы.

Су Цзии заметила, как на лбу Ло Си вздулись вены, и поспешила отодвинуться поближе к Лэн Ушуану. Тот лишь покачал головой — надо же было Ло Си пообещать, что он возьмет на себя все заботы этого наглеца. Бай У тем временем уютно устроился на груди «нового папы» и засопел. Ханьчи тоже почувствовал, как веки тяжелеют, и, прислонившись к оконной раме, задремал с торжествующей улыбкой на губах.

Ветерок влетал в окно, обвывая лица юношей. Наступил миг странной, хрупкой гармонии. Глядя на них, Цзии почувствовала, как учащенно забилось сердце. Мо Ханьчи, лишившись детской пухлости, обретал четкие, мужественные черты. Ло Си и вовсе вытянулся, стал статнее; его взгляд сделался глубже, а в облике больше не осталось той былой неопределенности, когда его легко можно было принять за девушку. В этой тишине зарождалось нечто новое, еще не осознанное ими самими.

Тем временем за тысячи ли от них назревала буря. В Небесной столице, в Сказочной стране Пурпурной Микрозии, стало известно о возвращении Небесного Царя Широкого Взора. Многие праведные ордены, испугавшись, поспешили отказаться от похода, что вынудило Хань Цзинцина сменить тактику. Теперь целью был захват дочери Повелителя демонов и выяснение правды о воцарении Юло Минвана. Любое движение в Бэйиньской столице демонов могло стать фатальным для Срединных земель.

— Чем ждать смерти, лучше самим нанести удар! — вскричал Цзян Сюн, недавно вернувшийся в столицу.

— Глупец! — оборвал его кто-то. — Слепая атака лишь погубит наших учеников. Нужно тайно проникнуть в Моду и разведать обстановку.

— Люди, посланные мной из Неба Лазурного Облака, бесследно исчезли. Скорее всего, они мертвы, — холодно произнес Хань Цзинцин.

Чэн Ланьюэ вышел в центр Зала Светлого Неба и низко поклонился.

— Ученик смеет предложить план. Простой, но верный.

Он взглянул на Фэн Юэ и учителя Даочжэня. Тот кивнул, а в глазах Фэн Юэ промелькнуло сомнение.

— Говори, — разрешил Хань Цзинцин.

— Пока старшие мастера отвлекут Инь Шаня, а младший брат Фэн Юэ возьмет на себя Юло Минвана, мы проникнем в Столицу демонов и захватим Небесную деву.

— Исключено! — Хань Цзинцин в ярости ударил по подлокотнику трона, осознав свою несдержанность лишь мгновение спустя.

— План разумен. В чем причина отказа? — прямо спросил Фэн Юэ.

— Сейчас тебе не выстоять против Юло Минвана!

«Сейчас?» Фэн Юэ предпочел бы развеять свою душу, лишь бы забыть о прошлом. В Куньлуне все знали: Юло Минван когда-то был верховным старейшиной ордена и наставником Фэн Юэ, прежде чем в одну ночь вырезал пятьсот учеников и ушел во тьму. Судьба посмеялась над ними: ученик оказался Девой Небесного Мандата. Хань Цзинцин и Бай Юань помнили тот день, когда Фэн Юэ спросил учителя «за что?», а в ответ получил удар магическим мечом.

Лишь вмешательство двенадцати золотых бессмертных Куньлуня позволило тогда убить прежнего Владыку демонов. Но его душа не развеялась, а переродилась. Об этом знали лишь ветераны битвы при Линье. Молодежь верила, что демон мертв окончательно. Но если темная душа встретится с Девой Небесного Мандата и пробудится... в мир вернется Девятинебесный Демонический Почтенный. Древняя война богов и демонов повторится.

— Я считаю, план выполним, — подал голос Глава ордена Даоинь.

Хань Цзинцин сжал кулаки, чувствуя бессильную ярость.

— Тогда я лично возглавлю отряд, — заявил Чэн Ланьюэ. Он жаждал подвига, жаждал вписать свое имя в летописи ордена, стать героем, о котором будут слагать легенды.

Судьба была решена. Выйдя из зала, Чэн Лан столкнулся с Цзысю. Она была вне себя от гнева, что он так безрассудно лезет на рожон.

— Ты жить устал?! — набросилась она на него в его комнате.

— Я... я просто хочу иметь право просить твоей руки, — запинаясь, ответил он. — Если я ничего не добьюсь, как я смогу гордиться собой рядом с тобой?

Цзысю вспыхнула и, забыв о приличиях, уткнулась ему в грудь. Чэн Лан осторожно обнял ее.

— Жди меня. Вернусь — и сразу сыграем свадьбу.

Она подняла на него заплаканные глаза:

— Береги себя. Говорят, Деву Мандата охраняет сам Цилинь.

Она выхватила кинжал, отсекла прядь волос и вложила в его ладонь.

— Ты обязан вернуться. И жениться на мне, взяв эти волосы в залог.

Чэн Лан бережно спрятал прядь у сердца.

— Жди меня с вином.

Цзысю шутливо ударила его в грудь и убежала, напоследок оглянувшись. Чэн Лан остался стоять, сияя глуповатой, но счастливой улыбкой.

Мо Ханьчи спалось на редкость сладко. Потянувшись, он открыл глаза и наткнулся на полный ярости взгляд Ло Си. За окном сияла луна, ее холодный свет делал узкие глаза Ло пугающе... нечеловеческими.

— Призрак! — завопил Ханьчи на весь постоянный двор.

В коридоре слышались шаги, в дверь постучали:

— Господин, что случилось?

— Все в порядке, — отозвался Ло Си через дверь. — У брата ночной бред, к утру пройдет.

— Сам ты призрак, — прошипел Ло, когда шаги стихли. Малыш Бай У так и висел на нем, отказываясь идти к кому-либо другому. Из-за этого Ло Си не сомкнул глаз всю ночь.

Ханьчи, выспавшийся и бодрый, забрал ребенка:

— Отдыхай, я пойду во двор подышу.

Оказавшись на улице, он помрачнел. Тяжелые черные тучи стягивались в стороне Столицы демонов. Всполохи молний, похожие на извивающихся змей, прорезали тьму. Ледяной ветердохнул в лицо.

«Неужели случилось что-то страшное? Зачем нас отослали?» — думал он, вспоминая вереницы учеников, летящих к столице.

Ло Си, так и не сумев уснуть, вышел следом.

— Ло Си, ты ведь умнее всех нас. Ты знаешь, что происходит?

— Учителя отправились захватить Деву Мандата. Это всё, что мне известно.

— Кажется, там уже идет резня, — Ханьчи кожей чувствовал отголоски битвы, бушующей за сотни миль. — Нам не следовало уходить.

— С нашими силами мы были бы только обузой, — отрезал Ло Си, и в его глазах на мгновение вспыхнул алый отблеск. Ханьчи показалось, что он обознался.

В ту ночь тысячи воинов света и сотни мастеров стадии Зарождающейся Души столкнулись с легионами Юло Минвана и Инь Шаня. Трое суток небо над Столицей демонов было черным от пепла и магического пламени. Солнце не могло пробиться сквозь тучи, земля была устлана телами.

А затем пришла весть: орды оборотней окружили Куньлунь. Император Сикун Юаньфэн встал на сторону демонов, чего никто не ожидал. Инь Шань поставил ультиматум: или отступление, или гибель ордена. Глава Даоинь, стоя на облаке, пошатнулся. Кровь брызнула из его уст. Пришлось давать приказ к отходу, бросив отряд Чэн Ланьюэ на верную смерть.

Внезапно из центра Моду вырвалась алая тень. Демонические генералы пытались перехватить её, но она была слишком быстра. Когда тень приблизилась, Даочжэнь вскрикнул: это был Чэн Ланьюэ, весь в крови, окутанный фиолетовым ядом.

— Учитель... бегите... нас предали... — хрипел он. Его тело содрогалось в судорогах, мышцы вздувались, разрывая одежду. — В Куньлуне шпион... они используют это... против...

Чэн Лан не договорил. Понимая, что превращается в монстра, он выхватил меч из рук оцепенелого учителя и одним ударом снес себе голову. Кровь фонтаном ударила в небо.

Даочжэнь застыл. Двадцать лет назад он видел смерть дочери, теперь — любимого ученика. Золотистая искра души — цзиньдань — выпорхнула из тела Чэн Лана, стремясь к учителю, но черная тень перехватила её.

На огненном Цилине восседал Хуа Шуин. Его алые одежды пламенем горели в сером мареве, а на лбу расцвел знак багряного цветка. Он лениво приоткрыл губы и проглотил золотую искру.

— Двадцать лет трудов, и такой жалкий итог, — скучающе произнес Шуин. — Впрочем, я не трону его душу, пусть перерождается. Слышал, вы собирались меня схватить? Что ж, я лишь принял меры предосторожности. И знайте: истинный Владыка демонов еще не пробудился. А когда это случится, в мир явится мощь двух жизней. К тому же, тринадцать лет назад родилась еще одна Дева Мандата. Как думаете, что сулит появление четвертой?

Даочжэнь, обезумев от горя, обрушил на него каскад мечей, но Шуин лишь рассмеялся, отмахиваясь рукавом, как от назойливых мух.

— Отступаем! — скомандовал Глава Даоинь, силой увлекая за собой Даочжэня. — В Куньлуне беда, месть подождет!

Армия заклинателей начала поспешный отход, оставляя Столицу демонов во власти торжествующей тьмы.